

Психофизиологические основы диспозициональной суверенности¹

С. К. Нартова-Бочавер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Нартова-Бочавер С. К. Психофизиологические основы диспозициональной суверенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 370–380. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.405>

Психологическая суверенность представляет собой адаптивное качество субъекта, обуславливающее укрепление психологического благополучия в разных проявлениях и потому чрезвычайно востребованное в повседневной жизни. Эмпирическое исследование посвящено уточнению того, в какой степени психологическая суверенность как черта личности задана и ограничена психофизиологическими особенностями индивида. Теоретической основой исследования стали теория психологической суверенности С. К. Нартовой-Бочавер, специальная теория индивидуальности В. М. Русалова, теория чувствительности к подкреплению Дж. Грея и теория саморегуляции Е. Хиггинса и А. Кругьянски. Выборку составили 260 респондентов, представителей студенческой молодежи (55 мужского пола, $M_{\text{возраст}} = 20,7$ лет). Использовались опросник «Суверенность психологического пространства — 2010» С. К. Нартовой-Бочавер, Шкала ингибции/активации (the BIS/BAS Scales) Ч. Карвера и Т. Уайта, Шкала оценки/движения (Locomotion and Assessment Scales) А. В. Кругьянски и соавторов и Шкала продвижения/предотвращения (Promotion/Prevention Scale) П. Локвуд, К. Джордана и З. Кунды. Обнаружены значимые отрицательные связи суверенности только с характеристиками, отвечающими за подавление поведенческой активности; связей с параметрами активации поведения не обнаружено. Регрессионный анализ показал, что ингибция и восприимчивость к предотвращению неудач представляют собой антипредикторы суверенности; психофизиологических предикторов укрепления суверенности не обнаружено. Результаты обсуждаются с точки зрения теории черт Г. Олпорта и модели черт как чувствительности к ситуациям (traits as situational sensitivities, TASS) М. Маршалл и Дж. Брауна. Делается вывод о том, что психологическая суверенность, будучи предметно-содержательной характеристикой индивидуальности, развивается прижизненно как результат опыта разрешения потенциально депривирующих ситуаций. Результаты обсуждаются в контексте перспектив развития суверенности: выделена группа риска развития суверенности, однако слабость обнаруженных регрессионных моделей оставляет широкие возможности для педагогических, воспитательных и психотерапевтических воздействий.

Ключевые слова: психологическая суверенность, темперамент, ингибция, активация, движение, оценка, усиление, предотвращение.

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-00239.

Введение

Психологическая суверенность — это феномен, который начал изучаться относительно недавно, преимущественно в наших собственных исследованиях, однако вызвал высокий интерес отечественных психологов. К настоящему моменту сложилось несколько определений суверенности: во-первых, это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство; во-вторых, состояние личностных границ человека; в-третьих, черта личности, проявляющаяся в высокой чувствительности к внедрению извне; в-четвертых, механизм установления баланса между собственными потребностями человека и потребностями других. Какое бы определение ни использовалось, основное предназначение суверенности — это адаптация к пространственно-временным обстоятельствам человеческой жизни, в которых она помогает ориентироваться. Суверенность рассматривается как континуальное качество, отрицательный полюс которого называется депривированностью.

Первоначально суверенность рассматривали с точки зрения ее прагматической пользы для самого субъекта — носителя этого качества, и было обнаружено множество ее связей с позитивными личностными качествами и состояниями — аутентичностью, жизнестойкостью, отсутствием депрессивных симптомов и негативных эмоций, общей удовлетворенностью жизнью, качеством межличностных отношений и поведением в виртуальной среде, особенностями общения и родительского стиля воспитания, способностью противостоять стрессу [1–7]. Инструментально-адаптивная функция психологической суверенности к настоящему моменту очевидна: резонируя на возрастные кризисы и завершая в целом свое развитие к концу подросткового возраста, на протяжении юности и молодости она существенно поддерживает психологическое благополучие субъекта [2; 8–10].

Отсутствие суверенности чревато возникновением широкого спектра личностных трудностей и межличностных проблем в зрелом возрасте, связанных с тревожностью и одновременно враждебностью слабосуверенных людей. «Повидимому, это обусловлено тем, что у них из-за непростроенных границ психологического пространства не завершен процесс формирования идентичности или сформирована слабая идентичность, слабое Я, которое боится потерять себя, что может приводить к отчужденности или к формализации взаимоотношений», — пишут Е. А. Водинчар и Л. А. Орлик [1, с. 52].

Современные исследования говорят о том, что суверенность не только участвует в поддержании психологического благополучия здоровых людей, но и способствует реабилитации психически больных [11], связана с интенсивностью самоощущения у педагогов, возможно, препятствуя профессиональному выгоранию [12]. И хотя на поздних стадиях развития суверенность утрачивает свою поддерживающую роль, уступая иным, часто экзистенциальным сущностям, в группах уязвимых людей она все же продолжает оставаться достаточно важным ресурсом личности, чтобы стоило задуматься о ее природе, возможностях развития, а также тех факторах, которые его ограничивают.

Корреляционные исследования и лонгитюд на протяжении детского возраста позволили прийти к выводу, что суверенность представляет собой черту личности нижнего уровня, в терминологии Г. Олпорта, ситуационную черту, которая прояв-

ляет себя в определенных провоцирующих ее манифестации обстоятельствах, связанных с угрозой ограничений или лишением доступа к бытийным ресурсам [13].

Психологическая суверенность: nature или все же nurture

В настоящем исследовании мы решили изучить связь психологической суверенности с темпераментом, понимаемым в широком смысле слова как формально-динамическая характеристика личности, выполняющая функцию энергетического регулирования, как психофизиологическая основа личности [14]. Ранее была обнаружена связь суверенности с темпераментом, который измерялся при помощи опросника В. М. Русалова. Хотя суверенность представляет собой содержательную характеристику индивидуальности, тем не менее она также участвует в регуляции человеческой активности на субъектном уровне, определяя меру ответственности человека, задавая спектр эмпирических ресурсов личности и предопределяя склонность субъекта к тому, чтобы оказаться объектом внедрения (невротическая симптоматика) или агентом внедрения (психотическая симптоматика).

Феноменологически есть основания ожидать, что суверенность может быть связана с темпераментом. Именно это предположение и определило основную цель исследования — изучить связь психологической суверенности с темпераментом, как он понимается в авторитетных в мировой науке подходах — в теории мозговых функций и поведения Дж. Грея, позже названной теорией чувствительности к подкреплению, и теории саморегуляции Е. Хиггинса и А. Круглянского [15–17]. Дж. Грей, опираясь на идеи И. П. Павлова, утверждал, что основу человеческого поведения составляют система ингибции, подавления (behavioral inhibition system, BIS), и система активации (behavioral activation system, BAS), соответственно обуславливающие склонность человека к тревожности или импульсивности. Система ингибции предохраняет человека от возможных неудач и наказаний, вызывая чувство тревоги, страха, депрессии и таким образом уводя от поставленной цели. Система активации, напротив, мотивирует человека двигаться к цели, наделяя его ощущением отсутствия угроз, а также переживанием надежды, оптимизма и счастья.

В теории саморегуляции описываются базовые качества индивидуальности, участвующие в процессе принятия решения и формировании поведения: оценка (assessment) и движение (locomotion). Оценка представляет собой сравнительный аспект саморегуляции, который отвечает за критическое рассмотрение и рейтинг альтернативных целей; движение отвечает за переход от состояния к состоянию и подключение психологических ресурсов, иницирующих и поддерживающих эти переходы. Позже Е. Хиггинс и П. Локвуд констатировали, что люди различаются предпочтением целей усиления (promotion) либо предотвращения (prevention) [18]. Усиление обеспечивает стремление к достижению своего идеала и потому делает человека восприимчивым к наличию позитивных результатов, способствуя его успешности. В противоположность этому предотвращение обеспечивает избегание неприятностей и наделяет человека восприимчивостью к провалам и неудачам. Все описанные психофизиологические характеристики имеют эволюционное происхождение и потому способствуют адаптации человека, однако разными путями: и стимуляция, и безопасность в равной степени необходимы для задач выживания и развития. Разные психофизиологические качества задают «туннель ре-

альности» человека, направляют его селективность и в конечном счете определяют объем и масштаб психологического пространства безопасно функционирующей личности.

Поскольку наше исследование носит эксплораторный характер, эксплицитные гипотезы не выдвигались, однако имплицитно можно предполагать, что суверенность будет сопряжена с системой активации поведения, продвижением к целям и предпочтением целей усиления, а депривированность — с системой подавления поведения, оценкой альтернативных целей и целями предотвращения. В то же время, поскольку о природе психологической суверенности известно не очень много, можно также ожидать, что психофизиологические качества вообще не связаны с суверенностью, которая формируется прижизненно как результат обобщения опыта в различных потенциально депривующих человека ситуациях.

Процедура исследования

Респондентами были 260 студентов московских университетов, 55 мужского пола, $M_{\text{возраст}} = 20,7$ лет, $SD_{\text{возраст}} = 4,4$ года. Участие в исследовании было добровольным и поощрялось баллом за самостоятельную работу, проводилось в рамках изучения курса «Психология личности и индивидуальных различий». Для измерения уровня суверенности использовался опросник «Суверенность психологического пространства — 2010» (СПП-2010), включающий 67 пунктов и шесть шкал, соответствующих аспектам суверенности: суверенности физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), временных привычек (СП), социальных контактов (СС), а также вкусов и ценностей (СЦ) [19]. Подсчитывался также и общий показатель суверенности психологического пространства (СПП).

Для изучения психофизиологических аспектов индивидуальности использовались русскоязычные версии трех опросников, изучающих разные регуляторные аспекты поведения. Все они были переведены автором и проверены при помощи обратного перевода, показатель согласованности шкал опросников варьировал в промежутке от 0,69 до 0,81.

Для измерения чувствительности к ингибции/активации использовалась Шкала ингибции/активации Ч. Карвера и Т. Уайта (the BIS/BAS Scales), включающая 20 утверждений, которые оценивались по четырехбалльной шкале [15]. Примеры утверждений: «Я боюсь допустить ошибку», «Я всегда готов попробовать что-то новое, если думаю, что это может развлечь». Для измерения предпочтения оценки/движения в регуляции поведения использовалась Шкала оценки/движения (Locomotion and Assessment Scales), включающая 30 утверждений, которые оценивались по шестибалльной шкале [17]. Примеры утверждений: «Я не возражаю, чтобы сделать что-то, даже если это требует больших усилий», «Познакомившись с человеком, обычно я оцениваю его с разных сторон (внешность, достижения, социальный статус, одежда)». Для измерения предпочтения целей усиления/предотвращения использовалась Шкала продвижения/предотвращения (Promotion/Prevention Scale) П. Локвуд, К. Джордана и З. Кунды, включающая 18 утверждений, каждое из которых оценивалось по шестибалльной шкале [18]. Примеры утверждений: «Я часто думаю о том, кем в идеале хотел(а) бы стать в будущем», «Я часто думаю о том, кем рискую стать в будущем».

Результаты

Подсчет коэффициентов корреляций между показателями суверенности и психофизиологическими характеристиками обнаружил значимые связи, причем удивительным образом только отрицательные и только с теми темпераментальными качествами, которые скорее блокируют развитие активности (табл. 1). Иначе говоря, результаты говорят о том, что существуют психофизиологические особенности, которые, возможно, не способствуют развитию суверенности. Так, чем выше ингибция поведения, т. е. в соответствии с самим содержанием этого явления, чем больше человек считается с неудачами, допускает в своем личном дискурсе возможность провала, хотя бы даже и пытаясь его предотвратить, тем слабее одновременно его способность защитить свои личностные границы. Чем больше усилий человек тратит на то, чтобы избежать возможных или воображаемых трудностей, тем с большей вероятностью приобретает диспозициональную депривированность.

Складывается представление о том, что темперамент асимметрично связан с суверенностью: существуют качества, которые могут не дать ей сформироваться, однако психофизиологических качеств, которые могли бы ее стимулировать, не обнаружено.

Таблица 1. Связь (rs) аспектов суверенности с психофизиологическими характеристиками (темпераментом)

Темперамент/ суверенность	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ
Ингибция (Inhibition)	-0,16*	-0,08	-0,15**	-0,06	-0,12	-0,13**	-0,15**
Активация (Activation)	-0,04	0,02	-0,11	-0,05	-0,07	-0,05	0,01
Оценка (Assessment)	-0,11	-0,16**	-0,13*	-0,03	-0,13*	0,02	-0,08
Движение (Locomotion)	0,03	-0,01	0,07	-0,02	0,02	-0,05	0,06
Усиление (Promotion)	-0,03	0,02	0,01	-0,02	0,05	0,02	0,01
Предотвращение (Prevention)	-0,26**	-0,24**	-0,25**	-0,19**	-0,25**	-0,14*	-0,16**

Примечание. * — связь значима на уровне $p < 0,05$; ** — связь значима на уровне $p < 0,01$.

С о к р а щ е н и я: суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), временных привычек (СП), социальных контактов (СС), вкусов и ценностей (СЦ).

Очевидно, что психофизиологические качества не могут быть следствием развитой/неразвитой суверенности и феноменологически мы можем ожидать направление связей только от психофизиологии к суверенности, все же для спецификации полученных закономерностей мы предприняли парный регрессионный анализ, так как независимые переменные сильно коррелировали между собой. Было идентифицировано, при невысоких показателях общего качества регрессионных

моделей два антипредиктора общей суверенности — это ингибция ($\beta = -0,26$, $F(1,258) = 19,00$, $p < ,000$) и склонность к предотвращению трудностей и неудач ($\beta = -0,14$, $F(1,258) = 4,80$, $p < ,029$). Причем если ингибция отрицательно предсказывает только общий показатель суверенности, то склонность к предотвращению неудач проявила себя как антипредиктор всех аспектов психологической суверенности: суверенности тела ($\beta = -0,23$, $F(1,258) = 13,79$, $p < ,000$), территории ($\beta = -0,24$, $F(1,258) = 16,35$, $p < ,000$), личных вещей ($\beta = -0,19$, $F(1,258) = 9,88$, $p < ,002$), временных привычек ($\beta = -0,26$, $F(1,258) = 9,88$, $p < ,000$), социальных контактов ($\beta = -0,14$, $F(1,258) = 5,39$, $p < ,021$) и ценностей ($\beta = -0,15$, $F(1,258) = 6,14$, $p < ,013$). Таким образом, устойчиво проявляется отрицательная предиктивная роль склонности скорее предотвращать неудачи и трудности, нежели стремиться к продуктивным целям, по отношению к суверенности в целом и всем ее составляющим. Это означает, что люди, наделенные данной психофизиологической особенностью, с меньшей вероятностью могут стать психологически суверенными субъектами.

Полученные результаты хорошо объяснимы в контексте теорий индивидуальности, в частности специальной теории индивидуальности [14]. С одной стороны, темперамент определяет лимиты проявления личностных качеств, преодолеть которые невозможно. С другой же стороны, поскольку суверенность представляет собой черту, т. е. предметно-содержательную характеристику личности, то источником ее развития является скорее среда, чем биологически предзаданные свойства. Иначе говоря, прижизненный опыт человека, в первую очередь приобретаемый им в ходе разных процессов социализации — жизни в семье, обучения, педагогических, воспитательных, психотерапевтических воздействий — в случае отсутствия таких психофизиологических качеств, как чувствительность к ингибции поведения, предотвращению неудач, а также оценка альтернативных отвергаемых целей, может укреплять суверенность.

В то же время эти рассуждения вводят нас в замкнутый круг: предположим, человек от природы обладает неблагоприятными для укрепления суверенности качествами, тогда в силу этого обстоятельства он невосприимчив к стимулирующим воздействиям извне. Для того чтобы проверить, каковы связи между темпераментом и суверенностью в группах с различным уровнем суверенности, мы разделили нашу выборку на две равнонаполненные подвыборки по медианному показателю общей суверенности, который составил 25 баллов.

Результаты оказались следующими. В группе слабосуверенных обнаружена только одна значимая связь: оказалось, что склонность к предотвращению опасностей отрицательно связана с суверенностью временных привычек ($r_s = -0,18$, $p = ,040$), т. е. люди, избыточно принимающие во внимание возможные угрозы, слишком сильно позволяют людям и обстоятельствам посягать на свое личное время.

В группе высокосуверенных обнаружены три значимых связи. Первая из них образована склонностью предотвращать неудачи и общим показателем суверенности (также $r_s = -0,20$, $p = ,023$). Это означает, что избыточная чувствительность к опасностям парадоксальным образом не позволяет создать прочные границы и укрепить их. В группе слабосуверенных склонность к предотвращению опасностей была связана только с суверенностью временных привычек. Далее, оказалось, что склонность к измерению (оценке альтернативных целей) отрицательно связана с суверенностью временных привычек ($r_s = -0,20$, $p = ,023$), т. е. личное время стра-

дает у тех, кто его слишком много тратит на учет и оценку нерелевантных целей, чрезмерно анализируя их. И наконец, обнаружена одна интересная положительная связь между активацией и суверенностью тела ($r_s = ,18$, $p = ,040$). Это означает, что при высоком уровне общей суверенности высокосуверенные не допускают телесных внедрений, если психофизиологически склонны к активации поведения.

Регрессионный анализ при разделении выборки по уровням суверенности, впрочем, не обнаружил ни одного значимого предиктора.

Таким образом, обнаружено, что при разделении по уровням действительно можно увидеть разные корреляты суверенности, что говорит о нелинейности процесса ее развития и специфике проявлений. Складывается впечатление, что на высоком уровне суверенности психофизиологические особенности играют большую роль, причем в качестве антипредикторов, чем на низком, возможно, в связи с более высокой дифференцированностью структуры личности.

Обсуждение результатов

Итак, проведенное исследование в целом ответило на поставленный исследовательский вопрос, но одновременно выявило множество новых. Очевидно, что суверенность, как и другие предметно-содержательные качества индивидуальности, связана с темпераментом, однако результаты следует интерпретировать аккуратно. На основании проведенного анализа можно условно выделить группу риска «недоразвития» психологической суверенности, в которую входят люди, темпераментально в разных видах своей активности склонные скорее к предотвращению неудач, чем к стремлению достигнуть успеха. Иначе говоря, излишняя «конституциональная» осторожность препятствует обретению суверенности. Возникает вопрос: а почему же тогда эта связь варьирует в зависимости от уровня наличествующей суверенности?

В качестве ответа на него мы можем высказать следующее предположение. Исходя из того, что уже было многократно обнаружено в количественных исследованиях и при анализе отдельных случаев, суверенность — это кумулятивное качество: чем чаще растущий ребенок может устанавливать ее в отдельно взятой ситуации, тем с большей вероятностью закрепляется его суверенное поведение, обеспечивая успех в каждой последующей ситуации [8]. В полном соответствии с теорией Г. Олпорта, регулярные акты поведения, привычки, складываются в черты личности, а черты личности, в свою очередь, ищут своего подтверждения, направляя поведение человека [10].

Между тем мы можем обратиться к теории М. Маршалла и Дж. Брауна, понимающих черту личности как чувствительность к ситуациям (Traits as Situational Sensitivities, TASS) [20]. Согласно этой теории, наличие черты или предрасположенности к ней определяет воспринимаемое содержание и значение наличествующей ситуации. Возможно, у слабосуверенных (депривированных) преобладание готовности предотвращать возможные и мнимые опасности задает такой смысл ситуаций, согласно которому они должны разрешить их, на выходе чувствуя свою уязвимость и депривированность. Таким способом они субъективно подтверждают наличие депривированности как обоснованной в их личностном дискурсе черты, одновременно усиливая ее и, конечно же, не расставаясь с ней, даже вопреки благоприятным для суверенности влияниям извне [21].

У высокосуверенных наличие склонности к предотвращению неудач — это скорее вызов, с которым необходимо справиться, согласно логике развития суверенности как черты. И хотя эта психофизиологическая особенность мешает развитию суверенности, во внутриличностном пространстве победа все равно остается за суверенностью. Обратные связи, получаемые субъектом в ходе приобретения жизненного опыта, состоят в том, что чем выше становится суверенность, тем сильнее она может сдерживать негативное воздействие на нее психофизиологических особенностей.

Выводы

Итак, проведенное исследование показало, что психофизиологические корреляты и предпосылки психологической суверенности существуют, хотя они немногочисленны и описывают условия и риски недоразвития суверенности, но не факторы ее стимуляции и укрепления. Основные психофизиологические «ограничители» развития суверенности — это ингибция активности и склонность фиксироваться на возможных опасностях и неудачах. Активация, усиление и движение к цели в связи с развитием психологической суверенности себя никак не проявили. Поскольку использовались разные концепции темперамента и выборка была достаточно репрезентативной, эти данные можно считать вполне достоверными и убедительными.

В перспективе воспитания, личностного роста и психотерапии результаты довольно оптимистичны. В самом деле, суверенность в свете новых данных предстает как прижизненно формирующаяся черта, что расширяет возможности ее обретения и усиления. Одним из ограничений проведенного исследования был возраст респондентов: студенческая молодежь характеризуется достаточно устойчивой суверенностью, и, возможно, было бы интересно проверить те же связи на более юной выборке. Другим ограничением можно назвать несбалансированность выборки по полу, что тоже может быть принято во внимание в последующих исследованиях.

Литература

1. *Водинчар Е. А., Орлик Л. А.* Взаимосвязь суверенности психологического пространства человека и специфики его межличностных отношений // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2016. Т. 27, № 1. С. 48–56.
2. *Нартова-Бочавер С. К.* Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней взрослости // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 1. С. 15–28. URL: http://psyjournals.ru/files/75890/psyclin_2015_n1_Nartova-Bochaver_2.pdf (дата обращения: 10.06.2018).
3. *Сафонова М. В., Тихонова Д. А.* Сравнительный анализ профилей суверенности подростков с различными уровнями психологической суверенности // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. Т. 41, № 3. С. 114–125.
4. *Сафонова М. В., Тихонова Д. А.* Удовлетворенность жизнью подростков с различными уровнями психологической суверенности // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. Т. 42, № 4. С. 126–139.
5. *Харламенкова Н. Е.* Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. Т. 34, № 4. С. 90–97.
6. *Шаповаленко А. А.* Диагностика характеристик личностной суверенности в интернет-среде: разработка опросника // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14, № 2 (129). С. 20–25.

7. Шукина М. А., Жданова А. А. Зоны психологического пространства личности // Петербургский психологический журнал. 2017. № 18. С. 112–139.
8. Викдорова Н. А. Особенности содержательных характеристик суверенности подростков, воспитывающихся в приемных семьях // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 124. С. 708–719. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28103285_20134560.pdf (дата обращения: 10.06.2018).
9. Нартова-Бочавер С. К. Онтогенез психологической суверенности личности // Психология зрелости и старения. 2005. № 1. С. 102–113.
10. Нартова-Бочавер С. К., Силина О. В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. Т. 32, № 3. С. 13–28.
11. Коцюбинский А. П., Бутота Б. Г. Новая организационная форма реабилитации психически больных — комплекс «круглосуточный стационар (с открытыми дверями) — дневной стационар» // Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2017. № 1. С. 70–74.
12. Казакова Т. В. Проявление жизненного самоосуществления у педагогов с разным уровнем суверенности психологического пространства // Информация и образование: границы коммуникаций. 2012. Т. 4 (12). С. 164–165.
13. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.
14. Русалов В. М. Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности человека // Психологический журнал. 1986. Т. 7, № 4. С. 23–35.
15. Carver C. S., White T. L. Behavioral inhibition, behavioral activation, and affective responses to impending reward and punishment: the BIS/BAS scales // Journal of personality and social psychology. 1994. Vol. 67, N 2. P. 319–333.
16. Gray J. A. Perspectives on anxiety and impulsivity: A commentary // Journal of Research in Personality. 1987. Vol. 21, N 4. P. 493–509.
17. Kruglanski A. W., Thompson E. P., Higgins E. T., Atash M. N., Pierro A., Shah J. Y., Spiegel S. To “do the right thing” or to “just do it”: Locomotion and assessment as distinct self-regulatory imperatives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79, N 5. P. 793–815.
18. Lockwood P., Jordan H., Kunda Z. Motivation by positive or negative role models: regulatory focus determines who will best inspire us // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83, N 4. P. 854–864.
19. Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017. 200 с.
20. Marshall M. A., Brown J. D. Trait aggressiveness and situational provocation: A test of the traits as situational sensitivities (TASS) model // Personality and Social Psychology Bulletin. 2006. Vol. 32, N 8. P. 1100–1113.
21. Нартова-Бочавер С. К. Принцип дополнительности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / под ред. М. И. Воловиковой, А. Л. Журавлева, Н. Е. Харламенковой. М.: Когито-Центр, 2016. С. 192–213.

Статья поступила в редакцию 23 июня 2018 г.

Статья принята к публикации 13 сентября 2018 г.

Контактная информация:

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — д-р психол. наук, проф.; s-nartova@yandex.ru

On the nature of psychological sovereignty: Relation to the temper

S. K. Nartova-Bochaver

National Research University “Higher School of Economics”,
20, ul. Miasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Nartova-Bochaver S. K. On the nature of psychological sovereignty: Relation to the temper. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018, vol. 8, issue 4, pp. 370–380. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.405> (In Russian)

The psychological sovereignty is an adaptive agency’s feature, contributing to maintaining of subjective well-being in its different aspects and therefore extremely required in every-

day life. The empirical study is devoted to the clarification of the nature of psychological sovereignty as a personality trait — to what extent it is set and limited by the psychophysiological characteristics of the individual? The theoretical basis of research is the Theory of psychological sovereignty by S. K. Nartova-Bochaver, the Special theory of individuality by V. M. Rusalov, the Reinforcement sensitivity theory by J. Gray, and the Theory of self-regulation by E. Higgins and A. Kruglyansky. The sample consisted of 260 respondents, mainly students (55 male, $M_{age} = 20.7$). The following tools were used: “the Sovereignty of psychological space — 2010” questionnaire (Nartova-Bochaver, 2014), the BIS/BAS scales (Carver & White, 1994), the Locomotion and Assessment scales (Kruglyansky et al., 2000), and the Promotion/Prevention Scale (Lockwood, Jordan, & Kunda, 2002). Significant negative connections of sovereignty were found only with the characteristics suppressing behavioural activity; links with the parameters of activation of behaviour were not. Pair regression analysis showed that inhibition and prevention represented anti-predictors of sovereignty; psychophysiological predictors of strengthening the sovereignty were not detected. The results are discussed from the point of view of the Trait theory of personality by G. Allport and Model of Traits as situational sensitivities (TASS) by M. Marshall and J. Braun. The conclusion is made that psychological sovereignty, being a content characteristic of personality, develops in vivo as a result of the person’s experience in resolving potentially depriving situations. The results are discussed in the context of the prospects for the development of sovereignty; the risk group for the development of sovereignty is identified. Nevertheless, the weak regression models revealed ample pedagogical, educational and psychotherapeutic opportunities for stimulating sovereignty.

Keywords: the psychological sovereignty, temper, inhibition, activation, locomotion, assessment, promotion, prevention.

References

1. Vodinchar E. A., Orlik L. A. Vzaimosviaz’ suverennosti psikhologicheskogo prostranstva cheloveka i spetsifiki ego mezhlichnostnykh otnoshenii [Connection of the person’s psychological space sovereignty and specificity their interpersonal relationships]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki* [Herald of KRAUNTS. Humanitarian sciences], 2016, vol. 27, no. 1, pp. 48–56. (In Russian)
2. Nartova-Bochaver S. K. Psikhologicheskaiia suverennost’ kak prediktor emotsional’noi ustoichivosti v rannei i srednei vzroslosti [The psychological sovereignty as a predictor of emotional resilience in youth and early adulthood]. *Klinicheskaiia i spetsial’naia psikhologiiia* [Clinical psychology and special education], 2015, vol. 4, no. 1, pp. 15–28. Available at: http://psyjournals.ru/files/75890/psyclin_2015_n1_Nartova-Bochaver_2.pdf (accessed: 10.06.2018). (In Russian)
3. Safonova M. V., Tihonova D. A. Sravnitel’nyi analiz profilei suverennosti podrostkov s razlichnymi urovniami psikhologicheskoi suverennosti [Comparative analysis of the sovereignty profiles of adolescents with different levels of psychological sovereignty]. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P.Astaf’eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P.Astaf’ev], 2017, vol. 41, no. 3, pp. 114–125. (In Russian)
4. Safonova M. V., Tihonova D. A. Udovletvorennost’ zhizn’iu podrostkov s razlichnymi urovniami psikhologicheskoi suverennosti [Satisfaction with the life of adolescents with different levels of psychological sovereignty]. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P.Astaf’eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P.Astaf’ev], 2017, vol. 42, no. 4, pp. 126–139. (In Russian)
5. Harlamenkova N. E. Psikhologicheskaiia bezopasnost’ i suverennost’ lichnosti pri vyrazhennom posttraumaticheskom stresse [Psychological security and sovereignty of a person with expressed post-traumatic stress]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal’nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2015, vol. 34, no. 4, pp. 90–97. (In Russian)
6. Shapovalenko A. A. Diagnostika kharakteristik lichnostnoi suverennosti v internet-srede: razrabotka oprosnika [Diagnostics of the characteristics of personal sovereignty in the Internet environment: development of a questionnaire]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial’nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Social University], 2015, vol. 14, no. 2 (129), pp. 20–25. (In Russian)

7. Shchukina M.A., Zhdanova A.A. Zony psichologicheskogo prostranstva lichnosti [Zones of the psychological space of personality]. *Peterburgskii psichologicheskii zhurnal* [St. Petersburg Psychological Journal], 2017, no. 18, pp. 112–139. (In Russian)
8. Vikdorova N.A. Osobennosti sodержatel'nykh kharakteristik suverennosti podrostkov, vospityvaiushchikhsia v priemnykh sem'iakh [Specificity of the sovereignty content in adolescents from the foster families]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polytechnical network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University], 2016, no. 124, pp. 708–719. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28103285_20134560.pdf (assessed: 10.06.2018). (In Russian)
9. Nartova-Bochaver S.K. Ontogenez psichologicheskoi suverennosti lichnosti [The ontogenesis of psychological sovereignty of the person]. *Psikhologiya zrelosti i stareniiia* [Psychology of maturity and aging], 2005, no. 1, pp. 102–113. (In Russian)
10. Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. Dinamika razvitiia psichologicheskikh granits na protiazhenii detstva [Dynamics of psychological boundaries development during childhood]. *Aktual'nye problemy psichologicheskogo znaniia* [Actual problems of psychological knowledge], 2014, vol. 32, no. 3, pp. 13–28. (In Russian)
11. Kocyubinskij A.P., Butoma B.G. Novaia organizatsionnaia forma reabilitatsii psikhicheskii bol'nykh — kompleks «kruglosutochnyi statsionar (s otkrytymi dveriami) — dnevnoi statsionar» [The new organizational form of the mental patients' rehabilitation — complex “24-hour hospital (with open doors) — day hospital”]. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V.M. Bekhtereva* [Review of psychiatry and medical psychology named after V.M. Bekhterev], 2017, no. 1, pp. 70–74. (In Russian)
12. Kazakova T.V. Proiavlennie zhiznennogo samoosushchestvleniia u pedagogov s raznym urovnem suverennosti psichologicheskogo prostranstva [Self-realization in teachers with different levels of sovereignty of psychological space]. *Informatsiia i obrazovanie: granitsy kommunikatsii* [Information and education: the boundaries of communications], 2012, no. 4 (12), pp. 164–165. (In Russian)
13. Olport G. Stanovlenie lichnosti: Izbrannye Trudy [Development of personality: Selected Works]. Moscow, Smysl Publ., 2002. 462 p. (In Russian)
14. Rusalov V.M. Teoreticheskie problemy postroeniia spetsial'noi teorii individual'nosti cheloveka [Theoretical problems of constructing a special theory of individuality]. *Psichologicheskii zhurnal* [Psychology Journal], 1986, vol. 7, no. 4, pp. 23–35. (In Russian)
15. Carver C.S., White T.L. Behavioral inhibition, behavioral activation, and affective responses to impending reward and punishment: the BIS/BAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, vol. 67, no. 2, pp. 319–333.
16. Gray J.A. Perspectives on anxiety and impulsivity: A commentary. *Journal of Research in Personality*, 1987, vol. 21, no. 4, pp. 493–509.
17. Kruglanski A.W., Thompson E.P., Higgins E.T., Atash M.N., Pierro A., Shah J.Y., Spiegel S. To “do the right thing” or to “just do it”: Locomotion and assessment as distinct self-regulatory imperatives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, vol. 79, no. 5, pp. 793–815.
18. Lockwood P., Jordan H., Kunda Z. Motivation by positive or negative role models: regulatory focus determines who will best inspire us. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, vol. 83, no. 4, pp. 854–864.
19. Nartova-Bochaver S.K. *Psikhologiya suverennosti: desiat' let spustia* [Psychology of sovereignty: ten years later]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 200 p. (In Russian)
20. Marshall M.A., Brown J.D. Trait aggressiveness and situational provocation: A test of the traits as situational sensitivities (TASS) model. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, vol. 32, no. 8, pp. 1100–1113.
21. Nartova-Bochaver S.K. Printsip dopolnitel'nosti v psikhologii: vzaimodeistvie doma i ego obitatelei [The principle of complementarity in psychology: the interaction of the house and its inhabitants]. *Psichologicheskie issledovaniia lichnosti: istoriia, sovremennoe sostoiianie, perspektivy* [Psychological studies of personality: history, current state, prospects]. Eds M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Harlamenkova. Moscow, Kogito-Centr, 2016, pp. 192–213. (In Russian)

Received: June 23, 2018

Accepted: September 13, 2018

Author's information:

Sofya K. Nartova-Bochaver — Dr. Sci. in Psychology, Professor; s-nartova@yandex.ru